

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

**БОЖЕСТВЕННАЯ
КОМЕДИЯ**

УДК 82-821+82-344
ББК 84(2Рос-Рус)
П70

*В оформлении обложки использованы рисунки Елены Вавкиной
Вступительная статья — Мария Попова*

Исключительное право публикации принадлежит
издательству «Литературный Совет»

Все права защищены

Никакая часть книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения правообладателя

Прашкевич Г.М.

П70 Божественная комедия / Геннадий Прашкевич; вступ.ст. —
М. Попова. — М.: ЛитСовет, 2015. — 284 с.

ISBN

Время тревожит, время пугает, влечёт. По-разному к текущему времени относятся люди. Повстанцы, пытающиеся свергнуть профашистское правительство, стараются ускорить его течение, а женщина из будущего, отделенная от любимого человека целыми веками, пытается сквозь эти пласты пробиться («Только человек!»); проклинают замедлившееся и убивающее время жители Территорий, у которых есть еще жалкий шанс попасть в число избранных («Золотой миллиард»); имеют дело с бессмертием исследователи морской планеты Несс («Анgrav-VI»); наконец находят возможность найти друг друга, казалось бы, навсегда потерявшиеся во времени герои повести «Божественная комедия». Времени великому и вечному посвящены все четыре повести этого тома.

УДК 82-821+82-344
ББК 84(2Рос-Рус)

Знак информационной продукции 16+

© Прашкевич Г.М., 2015
© ООО «Литературный Совет», 2015

ISBN

Мария ПОПОВА

«НОВАЯ ФАНТАСТИКА» ГЕННАДИЯ ПРАШКЕВИЧА

При слове «новый» мне чаще всего вспоминается такой анекдот: на собрании акционеров крупной компании по поводу десятилетия популярной марки шампуня поднимается вопрос: продолжать ли писать «новый» на упаковке?

А в самом деле, что называть новым: появившуюся сегодня утром модель сотового телефона, которая вечером будет продаваться за полцены в магазинах б/у электроники, или электрическую лампочку, которая существует совсем недавно в сравнении со всей историей человечества?

В некоторых интервью Геннадий Прашкевич называет свои произведения нынешнего, недавно начавшегося века — «новой фантастикой». Книги, о которых мне хотелось бы здесь порассуждать, действительно написаны им в последнее десятилетие: «Царь-ужас» в 2002-ом году («Кормчая книга», Азбука-классика, Санкт-Петербург), «Золотой миллиард» в 2005-ом («Золотой миллиард», АСТ-Транзиткнига, Москва), «Божественная комедия» в 2006-ом («Полдень. XXI век», № 6, Санкт-Петербург). Но, разумеется, дело не в датах. В этих книгах действительно есть то актуальное своеобразие, которое позволяет употреблять слово «новый» без всякого оттенка анекдотичности. Это своеобразие чувствуется как в стиле, своем для каждого произведения, так и в содержании, но стилевые особенности оставим более компетентным в данной области специалистам. Главная новизна, на мой взгляд, заключается в том, что автор вовремя ответил на вызовы современного общества — стремительно эволюционирующего и все более массового. В таких условиях автору важно понять, где именно происходят главные изменения, на чем нужно сфокусировать внимание.

Геннадий Прашкевич, похоже, такой фокус нашел.

Среди признанных достоинств фантастики — возможность создавать критические пиковые ситуации, позволяющие проверить героев «на разрыв», посмотреть, что будет делать человек, оказавшийся в нечеловеческих условиях на пределе возможности. Подобные эксперименты по принципу «а что, если?..» объединяют и указанные выше произведения. Однако автор предпочитает в качестве объекта эксперимента не какую-то особенную личность, а человеческое общество в целом. Он проверяет на разрыв общечеловеческие

установки, в первую очередь мораль. Кроме того, Геннадия Прашкевича интересуют те черты, которые остаются неизменными в любых коллизиях и катастрофах. И ему действительно удалось найти одну такую черту, фактически определяющую человека как понятие.

Какую — будет ясно позже.

«ЦАРЬ-УЖАС»: МИРНЫЙ БУНТ КАК СПОСОБ ВЫЖИТЬ

Общество будущего, описанное в романе «Царь-ужас», подчинено жёсткой дисциплине. Настолько жёсткой и безоговорочной, что появляется вопрос: насколько оно человеческое — даже не человечное, а именно человеческое — в нашем понимании?

Мы привыкли «развивать индивидуальность», «раскрывать способности», «реализовывать возможности», мы твёрдо выучили, что человек — это личность уникальная, неповторимая и ценная именно своей уникальностью и неповторимостью. Глобальная катастрофа, вызванная падением на Землю астероида Тоутатес, заставила отбросить всё, что мешает выживанию, стать единой сплочённой массой. Не только жизнь, само солнце, кажется, загнано в узкие рамки постапокалиптического существования — «проглядывало мертво и угрюмо сквозь багровые пылевые облака», «просвечивало страшным пятном сквозь черную злую дымку», «пробивалось сквозь ледяную кристаллическую мглу».

На место астероида, впрочем, можно подставить что угодно: ядерную войну, глобальное потепление, продовольственный кризис, нашествие боевых человекоподобных роботов — результат будет практически тот же.

Вспомнилось: в прошлом году в Петербурге предлагалось ввести что-то вроде продовольственных карточек для малообеспеченных жителей. Дело благородное, но не значит ли это, что мы возвращаемся к печальной необходимости распределения продуктов «сверху»? Мировой экономический кризис способен заставить большую часть человечества перейти к выживанию вместо жизни, а если прибавить сюда возрастающие меры безопасности «перед лицом мирового терроризма», картина получается совсем печальная.

Однако вернемся к книге. Одно из самых ярких проявлений жесткой регламентации жизни — знакомое читателю по множеству антиутопий распределение мужей и жен согласно генетической сочетаемости. Интересно, что при этом не требуется радостно принимать каждое решение начальства: «Это нехорошо, что Лим Осуэлл получила от генетиков мой знак. Я предпочел бы жену менее впечатлительную». То есть, тут нет характерного для классической антиутопии угнетения или «промывания мозгов» — все ограничения обоснованы объективной внешней угрозой.

На первый взгляд, ход с генетическим распределением откровенно заезжен. Но на самом деле это действительно логичное решение для человечества, поставленного перед угрозой вымирания. Во-вторых, подобный сюжет — своего рода закладка, отсылка к предшественникам, позволяющая не

описывать подробно самые очевидные характеристики изучаемого общества. Осталось лишь отчеркнуть несколько деталей вроде подземной базы «уродов» за его границей, регулярных дежурств и скорее перейти к главному.

Итак, «от прежней роскоши» остались только яркие цвета костюмов, контрастирующие с общей рациональной серостью. «Красное пальто с голубым воротником, красные носки, желто-черная обувь, черные брюки, зеленый пиджак, жилет небесного цвета, узенький красный галстук» — отчаянно-безвкусный «пир во время чумы».

Совсем недавно на большой экран вышел фильм «Стиляги» — достаточно удачная попытка российского кино вернуться к жанру мюзикла, где яркая «стильная» одежда (да еще джаз) становится для молодежи единственной возможностью выделиться из подчеркнуто серого мира советских будней. Да и сейчас стоит взглянуть на всевозможные молодежные группировки или на «гламурных барышень», как аналогии напрашиваются сами собой. Не стоит ли за этой подчеркнутой яркостью очередная попытка хоть как-то скрасить не столь уж яркую жизнь?

Но мы снова отвлеклись. Еще один «привет из прошлого» для людей «Царь-ужаса» — непонятная пустота, сводящая с ума юношей и девушек, когда задачи по выживанию выполнены и неожиданно остаётся свободное время. Не в силах заполнить пустоту, люди будущего один за другим кончают жизнь самоубийством. Решая эту проблему, руководители нового мира пытаются найти ту жизненно важную субстанцию, которая заполняла подобную пустоту для прежних землян и была утрачена после катастрофы, и натываются на странное понятие «искусство».

Вот она, та существенная деталь, на которой автор изо всех сил заостряет наше внимание, то самое главное следствие из «а если...» В постапокалиптическом обществе не просто отсутствует искусство. О нем как о явлении иррациональном и отвлекающем силы от выживания забыли настолько, что утратили само понимание этого явления: «...об искусстве вообще известно было лишь то (апокриф Майкла), что оно якобы смягчает нравы». С другой стороны, тяга к искусству сохранилась, несмотря на то, что понятие утрачено!

После долгих поисков подходящего объекта «новые искусствоведа» извлекают из прошлого некоего Семёна Юшина, узника концлагеря с прекрасной татуировкой на спине — женщиной, похожей на египтянку. И эти несколько линий на коже, да ещё неуклюжий рисунок Семёна — бутылка и две рюмки, вывеска парижского кафе — действительно меняют изнутри застывшее общество, заставляют его волноваться, а молодёжь бунтовать — то есть быть самими собой. «Мы молоды, мир — наш!» — новая жизнь взамен шагу в пропасть, и пусть пока что бунтари рисуют все ту же бутылку «Перно» и все те же рюмки рядом с ней. Любой другой бунт был бы невозможен, потому что, повторюсь, давление на людей идет не «сверху», от правителей, а «снаружи», от враждебной природы, бунтовать против которой бессмысленно. Вернуть человечеству человека оказывается способным только искусство как нечто абсолютно иррациональное, но при этом жизненно необходимое.

Интересно, что общество, описанное в романе Геннадия Прашкевича, считает объектом искусства не рисунок на спине героя, а самого Семёна. «Экспонат X» — его официальное название. С одной стороны, оскорбительно для человека, по нашим меркам, разумеется. Тем более для того, кто столько пережил: выжил в Цусимском сражении, влюбился до безумия в проститутку-француженку, прошел советский концлагерь, опять выжил, воевал в Великую Отечественную, выжил, попал в фашистский концлагерь, снова выжил, пусть и благодаря помощи из будущего. Вот где настоящий-то ужас, причем далеко не фантастический! С другой стороны, может, это и есть проявления настоящего Искусства? Размашистые мазки чьей-то уверенной кисти, увлеченно рисующей человеческую жизнь? Над этим вопросом стоит подумать.

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ»: ПРОЩАЙ, МОРАЛЬ?

В «Божественной комедии» всё, на первый взгляд, по-другому. Главная героиня — мадам Катрин — прекрасно бы смотрелась на страницах гламурного женского чтива. Женщина, самостоятельно проложившая путь от провинциальной Катьки Лажовской через промежуточные постели до баронессы Катрин фон Баум и любовницы всесильного наркобарона, — настоящая «героиня нашего времени». Если не в новизне, то в современности здесь Геннадию Прашкевичу точно не откажешь.

Когда-то Катька ездила на дачу — «дерммовый SPA», по её выражению — с подвыпившей тусовкой, и в то же время — мечты о Лазурном берегу. Нет, не мечты — твердая решимость добиться своего во что бы то ни стало. Потом: «Почему он оказался в вашей постели?» — «В те дни я была одна, а у него были деньги». Золушка превратилась в гейшу. Действительно современно и типично. Даже стандартно, если бы не одна навязчивая идея, которая только и отличает Катрин от неживой гламурной куклы, — погоня за давно умершим художником, точнее, за разгадкой его тайны.

Мир, в котором живет мадам Катрин, не блещет оригинальностью. Точнее, он знаком нам, как отражение в зеркале: всё та же богема всё так же ахает над очередным избранным для поклонения «гением» (мёртвым, чтоб никому не было обидно), главную картину которого, естественно, никто не видел, и всё те же проститутки курят в барах дешёвые сигареты. «Постоянно меняется ценностная ориентация. Раньше ходили на Репина, потом на импрессионистов, теперь на белый квадрат». Что это, деградация ценностей или разные грани одной и той же пустоты?

И все так же в этом мире стоят элитные отели, попасть в которые могут только избранные.

Впрочем, как раз порог отеля «Парадиз» и отделяет «Божественную комедию» от гламура с приключениями. Потому что за порогом появляется, наконец, долгожданное «если бы», намеки на которое преследуют читателя с самого начала повести. Только в середине повествования писатель после долгих намеков бросает свой камешек в человеческую массу и смотрит, какие идут круги.

На этот раз камешек вроде бы меньше Тоутатеса: изобретение, применённое для начала в стенах отеля, позволяет общаться с любым человеком, даже если он умер, даже если он знаком только по сплетням и газетным вырезкам. «Вспомни улыбку, вспомни, как касались ваши язычки, вспомни губы, руки, походку, цвет глаз, в твоём подсознании все сохранено, как в памяти самого мощного компьютера. Вспомни, и ментальная матрица мгновенно расположит информацию в нужном порядке, а система, встроенная во все это... она выдернет нужного тебе человека из любой эпохи».

Автор не слишком трудился над тем, чтобы создать убедительную научную концепцию. Но такой цели перед повестью и не стоит — в данном случае Геннадияу Прашкевичу интересно не столько «если...», сколько «тогда...»

И тогда... «Впервые между человеком и объектом его любви ничего не стоит. И нет больше несчастий, порождённых тем, что мы так долго считали моралью». Значит, делаем вывод вслед за героем, и самой морали больше нет? То есть, конечно, какая-то мораль ещё будет, но какая? Сам-то изобретатель был уверен, что делает мир счастливым, что позволяет человеку вырваться из тюрьмы собственного тела. Снимая преграды, стоящие перед любовью, он, видимо, надеется сделать ненужными преступления, совершаемые ради любви или из ревности, уничтожить самые злые печали, приводящие неокрепшие сердца на край крыши. С другой стороны: «Мир вращается вокруг тебя. Легкое движение твоих бедер меняет судьбы, один твой кивок перекраивает мир». Человек становится центром собственного мира, Богом для образов, порожденных его подсознанием.

Реально ли устоять на вершине этой Вавилонской башни, не рухнув вниз под тяжестью собственного эгоизма? Стоит ли менять борьбу за счастье на заточение в очередной тюрьме — пусть на этот раз не из плоти, но из мысли? «Там, где возможно все, там уже ничего не имеет значения». На мой взгляд, такой вариант намного более страшен, чем старомодные страсти по несбыточным чувствам.

Для чего писатель проводит столь необычный эксперимент?

Обратимся к структуре повести. Текст делится на небольшие эпизоды — файлы, представляющие собой то картинки из жизни героини, неизменно заканчивающиеся сообщением «файл оборван», то списки «люблю — не люблю» для каждого периода ее жизни.

НЕНАВИЖУ:

*подгоревшую яичницу
совхозного быка Сергуньку
алгебру и тригонометрию...*

ОБОЖАЮ:

*плюшевого медведя
«Маркшейдер Кунст»
Ляльку Шершавину...*

Финал позволяет думать, что эти файлы — обрывки ментальной матрицы Катрин. Но гораздо больше они напоминают намного более реальную вещь — записи в блогах. Если чуть-чуть пофантазировать, получится, что каждый человек, пользующийся интернетом, оставляет в сети отпечаток личности. Возможно, со временем реально будет создать «бота» (диалоговую программу-робота), способную натурально заменять в общении каждого конкретного человека. Учитывая, что для многих цифровая реальность уже становится роднее материальной, эксперимент Геннадия Прашкевича снова оказывается актуальным.

А пока мир на пороге преобразования, художник, восставший из небытия (точнее, из ментальной матрицы, но это имеет не больше значения, чем в «Царь-ужасе» — причина глобальной катастрофы), снова рисует свою гениальную — на этот раз безо всяких кавычек — картину. На белом квадрате — скрипка и смычок. Объект искусства и инструмент искусства в одном. «Вещь в себе» — и в то же время мощный двигатель, подаривший смысл «кукольной» жизни героини.

Или великое изобретение, поставившее мир на грани нравственного переворота, на самом деле появилось только ради этой картины? И мы снова получаем связь: Бог — творец — искусство?

«ЗОЛОТОЙ МИЛЛИАРД»: ОТ ЧЕЛОВЕКА ДО БАЛЛАСТА ОДИН ШАГ

В «Золотом миллиарде» на первом плане все время остается тема морали. Здесь общество приближалось к краю катастрофы медленно, а потому часть его — целый миллиард — смогла неплохо приспособиться к новым условиям. Главная проблема этих людей — что же делать с теми семью миллиардами, которые приспособиться не успели? Точнее, на них объективно не хватило ресурсов.

Объективно! — а значит, можно успокоиться, отгородиться вооружёнными кордонами в благополучном Экополисе, задабривать голодных уродов «Языками» из питательных дрожжей. Вот только незадача, программа «Языков» не позволяет таким умным, генетически совершенным, таким красивым и замечательным людям развиваться дальше: двигать науку, летать в космос. Семи миллиардам людей, оказавшихся за гранью цивилизации, уже не помочь гуманитарной помощью и отправкой благородных миссионеров. Одна попытка накормить тех, кто ближе к границе, простейшим продуктом стоит огромных затрат. Правда, отказаться от программы совсем — значит навлечь на себя зависть и гнев соседей, открыть границы и поделиться всеми достижениями цивилизации — попытка накрыть одним одеялом роту солдат. От того, что одеяло порвется, теплее никому не станет.

Прежняя мораль просто не справляется с дилеммой.

Интересно, считали ли статистики, социологи, футурологи, или на чьей еще совести подобные прогнозы, как скоро человечество действительно столкнется с такой проблемой? К сожалению, вариант Экополиса и «территорий для ос-

тальных» выглядит сегодня гораздо реальнее, чем романтическое освоение далеких планет или глубин Мирового океана. Найдут ли к этому времени ученые выход, чтобы обеспечить достойное существование всем жителям планеты?

Выход, найденный жителями Экополиса, не имеет ничего общего с нашими ценностными установками. Мораль нового мира эволюционировала, как любое другое свойство живого организма перед угрозой выживанию. Самым разумным оказалось объявить себя новой ступенью эволюции и откеститься от всех обязательств перед «старшими братьями». Новая бактерия, уничтожая зародыши женского пола, поможет отвратительным «питекантропам» мирно и безболезненно вымереть через пару поколений. «Только представители золотого миллиарда выйдут в космос, построят мир, достойный Нового человека, — говорит ученый, идеолог «вершины эволюции». — Привыкайте, привыкайте, привыкайте к той мысли, что мы с вами и составляем этот миллиард. Привыкайте, привыкайте, привыкайте к той мысли, что Новое человечество — это мы». Удивительно похоже на фашизм, только бескровный и без явного предпочтения одной расы (в прежнем понимании этого слова) остальным, а значит, фашизм почти оправданный, почти привлекательный. И никакой жестокости по отношению к генетически неполноценным — действительно неполноценным, то есть с поврежденной ДНК, — они могут спокойно доживать свои жизни так, как уже привыкли, а затем уже уступить место здоровым «братьям».

К чему приведёт дальнейшее моделирование человеческой расы с помощью избирательных бактерий, задумываются пока немногие — есть гораздо более насущные проблемы. Мы видим эти проблемы глазами главного героя, который прошёл через территории, населённые «уродами» — людьми, оставшимися за пределами уютного благополучия, лишившимися элементарных благ и потому готовыми силой взять свое. Гай — центральный герой «Золотого миллиарда» — практически стал одним из них, разделил все их беды, даже в конце концов взялся за поиск документов, которые могли бы помочь «восстановить справедливость». Но он же, вернувшись домой, подсознательно готов голосовать за курс, выбранный «золотым миллиардом». Почему? Да потому что он изначально принял мораль, сформировавшуюся в его обществе, позволяющую спокойно принять жертвы во имя эволюции (или всё же банального процветания избранных?), позволяющую считать семь миллиардов людей биомассой, непродуктивно потребляющей ресурсы.

Можно привести ещё один второстепенный, но яркий пример трансформации моральных установок жителей Экополиса. В городе благоденствия прославляется материнство, многодетность — как способ поддержания необходимого генетического разнообразия. До боли знакомый, в общем-то, способ выведения «расово полноценных арийцев». «Всего лишь несколько аминокислот... Эссенциальные жирные кислоты. То, что мы называем витаминами. Вода, кислород... Усвояемые углеводы... Из такого простого набора, Гай, я сама синтезирую настоящего человека», — гордится Мутти, типичная представительница «золотого миллиарда», беременная шестым ребёнком.

Но гражданский долг матери заканчивается именно вынашиванием. Мутти весело щебечет, пересказывает последние слухи, говорит о своей беременности как о подвиге, но ни слова не произносит о пятерых рождённых до этого детях. Любит ли она их хоть каплю? Вряд ли, и это никого не удивляет. Кстати, та же Мутти спокойно доносит на своего друга, а потом искренне радуется заслуженному подарку от власть имущих. Популярную художницу наградили образцами арабской каллиграфии.

Яркий контраст — Гайя, рождённая в Экополисе, но похищенная человеком извне и принявшая жизнь среди «уродов». И дети её — тоже «уроды», быстро стареющие мальчики с безнадежно повреждённым геномом. Но «... это мои дети. И никто не отнимет их у меня... Даже если они законченные уроды, я всё равно буду их защищать».

Прежняя мораль, та, что кажется человеческой *нам*, осталась в старом мире, у представителей «тупиковой ветви эволюции».

Естественно, после разбора двух предыдущих произведений возникает вопрос: а где же тут искусство?

Всё очень просто — лучший сочинитель «золотого миллиарда», возможно, единственный честный из них, Отто Цаальхаген, стал одним из первых пассажиров «философского парохода», увозящего неугодных за границы островка благополучия. То есть искусство снова оказывается «на передовой», пусть и по другую сторону «линии фронта» от главной силы.

Или не очень просто. Искусством ведь занимается и Мутти, и множество других художников Экополиса. Об искусстве мечтает и офицер-«урод»: «... мы заставим Экополис работать только на нас... Они будут создавать новые Языки, а мы займёмся искусством». Правда, в его понимании искусство это «...когда тихонько и довольно бормочут сидельцы [мутанты, объедающие засохшую корку с дрожжевых языков, — *М.П.*]. Они тихонько и довольно бормочут и неторопливо объедают с Языков горчашую корку. Они обожают горькое, а мы поедаем вкусное».

Утончённые эстеты «золотого миллиарда» вряд ли имеют к настоящему искусству больше отношения, чем «сидельцы». Занятия каллиграфией и украшением интерьера, конечно, эстетически весьма приятны, но настоящее искусство всегда находится на острие жизни, бросает вызов и занимает первые места на «философском пароходе».

ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

В целом, прочитав эти книги, можно понять, что Геннадия Прашкевича в первую очередь интересуют координаты, определяющие общество в целом. Герой — или «глаза» читателя, или — катализатор процессов, происходящих в массах.

Иногда катализатор невольный, так как процессы обусловлены общим направлением развития. Семён Юшин из «Царь-ужаса» сам по себе личность не очень яркая, но роль его в произведении велика, хотя для «людей будущего»